

Ольга Шермер

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ольга Шермер

Крупницы Хаоса. Магия и меч

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2017
 ARMA DA
&
«Издательство А.ЛьФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш49

Серия основана в 2011 году
Выпуск 262

Художник
С. А. Григорьев

Шермер О. В.

Ш49 Крупицы Хаоса. Магия и меч: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 281 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2385-9

Айла Литте не готова к взрослой жизни. Абсолютно. Порой наивная, не слишком уверенная в себе, но верящая в сказки и драконов магичка словно живет в каком-то вымышленном мире, где нет места злу и предательствам. А Рейвелл Шакс, временно заменяющий магистра магии и меча в ее школе, этого совершенно не понимает. Только чем дольше они общаются, тем больше ему хочется сохранить идиллию своей подопечной, не разрушать ее мир, ткнув девушку носом в жестокую реальность. Наоборот, сделать все, чтобы беды не коснулись ее.

Только как быть ей, если он и станет ее главной бедой?..

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Шермер О. В., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2385-9

ГЛАВА 1

Не так страшна контрольная работа по практической магии, как магистр Один, ее проводящий. Колючий взгляд его скользил по кабинету медленно, задерживаясь на учениках, и настолько он казался тяжелым, что даже самые добропорядочные из нас начинали сомневаться в своей добропорядочности.

Использовать шпаргалки категорически не рекомендовалось. Самым мягким наказанием, ожидавшим бедолагу, застуканного с поличным, по праву считались ежевечерние отработки в школьном «Живом уголке» на протяжении двух недель, хотя на первый взгляд, казалось бы, ничего радостного в чистке стоил и быть не может. Но главный наш любитель использовать в учебе все, кроме собственного ума, — Линас — однажды был отправлен Одним в русалочий грот, и только там в первый же час он понял, насколько может быть прекрасна возня с лопатой в благоухающем облаке природных ароматов по колено в грязи. Русалки по натуре своей мало того что недружелюбны, так еще и их нелюбовь ко всему живому и вовсе выделяла людей в отдельную категорию, вознося на первое место русалочьего списка мерзостей мира сего. Страшно подумать, что происходит, когда в их полное распоряжение поступает человечешка с прямым указанием от магистра «выполнять все, что попросят, иначе отработка засчитана не будет». Лину тогда сопереживали всей школой, некоторые товарищи, бывало, дожидались его возвращения в общей гостиной, чтобы сочувствующе похло-

пать по плечу и нарочито радостно сказать: «Не дрейфь, дружище, всего неделя осталась!» Я же была почти уверена, что не стоит озвучивать продолжительность этой каторги лишний раз, поскольку неделя — это семь дней. Семь дней — это сто шестьдесят восемь часов, из которых двадцать один придется еще проторчать в гроте в далеко не самой приятной компании.

— Хочется верить, что ваш отсутствующий взгляд, милейшая дейрис¹ Литте, означает, что вы сейчас из последних сил вспоминаете последовательность проведения контрзаклинания подчинения разума.

— Ее я вспомнила. — Я смущенно опустила взгляд в тетрадь. — А вот правой или левой рукой делать пас при перенесении метки Гидео — нет.

Магистр закатил глаза, одним своим видом показав всему классу, какими непроходимыми недоумками он нас считает. Ему даже можно было ничего не говорить, все читалось на его благородном лице.

— Вы, простите, когда ручку берете, тоже полчаса соображаете, правша вы или левша?

«Бывает», — подумала я, вслух лишь вздохнув. Прикрыла глаза, представив два манекена, что стоят у нас на тренировочной площадке за школой. Вот на один из них наложена метка, вот раскрытой ладонью правой руки я рисую в воздухе незаконченный треугольник, нанося пятисекундный блок от воздействия, вот левой рукой прочерчиваю в воздухе дугу, ведущую от метки ко второму манекену...

И с явным облегчением вывожу в строке напротив вопроса о метке слово «правой». Следующее задание...

«Опишите три любых варианта использования основы Эйме». Это просто! Сиара, моя соседка по комнате и подруга в одном лице, только накануне вечером вслух заучивала все пятнадцать, бродя из угла в угол по комнате. Даже Ири,

¹ Д е й р и с (жен. форма слова «дейр») — обращение к ученикам на одном из древнемагических языков, обозначающее «идуший к всезнанию».

обычно циничная и спокойная, не выдержала и с характерным воем улетела сквозь стену в ванную. Даром что призрак — чувств и эмоций в ней на трех живых хватит!

Я украдкой обернулась на подружку. Голубовато-серые ушки задумчиво нависали над тетрадью, а сжатое в когтистой руке перо активно что-то в ней вырисовывало. Если пишет — значит, помнит, а переживала, как обычно, напрасно. Но она умница. На ней сейчас лежит большая ответственность, поскольку она стала первой студенткой из рода ферре¹, по обмену принятой в нашу магическую школу, и всеми силами старается не ударить в грязь лицом как перед своими сородичами, так и перед людьми.

Магистр Один сразу был настроен скептически. Если остальные учителя из всех сил старались не выделять Аменсиару Чарен, прибывшую из далекого Нейероса, то он, наоборот, усердно напоминал ей, кто она такая, зачем здесь, и порой цеплялся чуть сильнее, чем к прочим. Но стоит отдать ему должное. Он ни разу не переступил грань дозволенного, хотя, казалось, соблазн был велик. Ему словно было интересно, на что способна представительница расы зверолодей, искал, где кончается ее природный резерв, и никак не мог найти. Поэтому я понимала, отчего накануне занятий по практической магии книжки валились из ее рук, а грозное имя магистра вызывало почти благоговейный ужас.

— Госпожа староста, не соизволите ли вы собрать работы по классу?

Один неслышно подкрался к моей парте и, опершись ладонью на ее край, задумчиво потарабанил пальцами по столешнице.

— Конечно, магистр.

Я молнией вспорхнула со своего места и отправилась в самый дальний угол класса, давая Сиаре чуть больше време-

¹ Ферре — древняя раса зверолодей. При человеческой физиологии обладают шерстью, когтями, хвостами.

ни на проверку. Линас сдал листок вместо тетради и пожал плечами.

— Чем богат. Зато оцени тонкость художественной мысли!

Художественная мысль Лина действительно была тонка. Настолько, что напротив задания «опишите процесс нанесения символа Раганона в условиях нестабильности «Ра» был нарисован человек, состоящий из овального тельца, палок рук-ног и отчего-то квадратной головы. Рядом с левой, поднятой вверх рукой была приписка: «Нужно позвать учителя, чтобы он сам нанес символ от греха подальше», а ниже, в строке ответа, выцарапано сакраментальное: «Ну как-то так».

— Там ведь достаточно было просто верхнюю и нижнюю «зэту» нанести поверх окружности, — вздохнула я. Опять получит двойку. Опять не расстроится. А потом вызовут старосту и будут ее сильно ругать, что плохо следит за учениками.

В старосты я никогда не метила. Я просто не умела врать. Вернее, врать умела, но не так быстро, как остальные, а потому в отличие от одноклассников так и не успела придумать уважительную причину. Один прикрылся нехваткой времени из-за кружка зельеварения, другой занятиями танцами, третий работой в школьной газете, а кто-то даже наградил прабабушку по папиной линии какой-то страшной болезнью, а потому был обязан «каждый день проводить старушку»... Хотя прабабушки у него уже лет пятнадцать как не было.

Поэтому в рассветной тишине, когда полусонные ученики стадом улиток вползали в обеденный зал, я уже протискивалась обратно в коридор, дожевывая бутерброд, спеша в учительскую за классным журналом и свежей порцией нотаций. Либо, вместо того чтобы оглашать смехом школьный двор вместе с остальными, сидела на скучных собраниях Совета школы, дежурно кивая в ответ на очередное предложение Айдре Флина.

Староста выпускного класса, казалось, был старше нас вдвое, настолько серьезно он подходил ко всем проблемам школы. Стоило приключиться малейшей неприятности, как Айдре уже стоял у кабинета директора с прошением разобраться и устранить последствия. Нет, конечно, хорошо, что парень настолько ответственен, раз даже мелочь в виде сломанного шпингалета в мужской уборной сразу бросалась ему в глаза, но так хотелось однажды увидеть его с развязанным галстуком, небрежно распущенным воротом рубашки, взъерошенными волосами, полупьяной от счастья улыбкой на лице... Но вместо этого нас встречал неизменно суровый карий взгляд, холодное «доброе утра, коллеги» и возмущенное «как можно было допустить, что на потолке третьего этажа появилась трещина?». Хотя возмущения поражали своим разнообразием. Когда-то он даже пытался протестовать против банши в северной башне, пока не столкнулся с ней лично нос к носу. После этого Айдре просто предложил башню закрыть. Либо — хотя бы! — повесить табличку, что входить туда можно исключительно на свой страх и риск.

А мне банши — которую, кстати, звали госпожа Белл — нравилась. Она часто напевала грустные песенки, издавала похожие на траурные завывания, которые эхом разносились по этажам, а еще сидела на подоконниках и тосковала. Наверное, о тех годах, когда она была обычным учителем школы магии, примерной супругой и мастером своего дела... Насколько увлеченным, что магия, во время очередной попытки добраться до ее сути, поглотила часть души Белл. И от магистра осталась искаженная оболочка, замученная воспоминаниями, да прицепившееся прозвище «банши».

Широкие коридоры школы пустели ближе к полудню и вновь заполнялись шумом приблизительно после двух часов, когда начиналась вторая смена. Мы с Сиарой брели к библиотеке, обсуждая грядущий праздник, и мечтали о скорейшем наступлении вечера так, что даже под солнечным сплетением что-то приятно ныло.

— Надену синее! — заключила подруга после получаса радужного перечисления. — А ты? Хочешь, я тебе свое лазурное одолжу? К серым глазам и черным волосам хорошо должно подойти!

— Чтобы я весь вечер боялась сделать лишний шаг, опасаясь, что юбка вот-вот взмоет выше ушей? — хихикнула я.

На самом деле платье было очень красивым, и Сиара прекрасно знала, как оно мне нравится, но при этом настолько невесомым, что казалось, малейший порыв ветерка сорвет его прочь и умчит вдаль, как перышко, оставив меня наедине с моим позором.

— А я буду ходить за тобой хвостиком и следить. — Сиара перешла на шепот, едва мы пересекли библиотечный порог.

— Хвостик с хвостиком... — мечтательно протянула я. Ферре улыбнулась, показала мне язык и звонко изрекла:

— Доброго дня, госпожа Денлард!

Библиотекарь и архивариус школы Родена Денлард, вздрогнув, уронила фолиант в самую пыль — на миг даже показалось, будто она окутала себя клубами волшебного дыма и куда-то переместилась. Но серое облако быстро осело обратно на полку, книга была поднята и любовно поглажена вдоль корешка, и лишь тогда библиотечарское внимание переклucилось на нас.

— Да-да, девочки мои хорошенькие. Что вам нужно? Для учебы что-нибудь или для себя? Может быть, что-нибудь про любовные чары? — И женщина кокетливо захихикала. Для своих лет госпожа Денлард была совершенно прекрасна. Седой одуванчик волос, кокетливо сползающие на кончик носа очки и настолько благородное морщинистое лицо, что казалось, она всю жизнь так и выглядела, потому что быть молодой ей наверняка совершенно не шло.

— Пока что без них хорошо. — Я смутилась, Сиара глупо захихикала.

— Ах, мне бы ваши годы... — Голос ее звучал с настолько трепетной нежностью, словно для полного удовлетворения

потребности дарить ласку и заботу собственных детей и внуков ей не хватало. — Помню, мне было семнадцать, и этот старый хрыч впервые пригласил меня на день колдовского равновесия... Впрочем, что это я.

Под «старым хрычом», разумеется, подразумевался господин Денлард, ныне счастливый супруг, дедушка трех очаровательных внучат и наш постоянный поставщик провизии. Ферма их семейства находилась всего в трех-четыре верстах от школы, и, несмотря на то что магией никто из них не обладал, судьба тесно связала их с магами. Когда-то очень давно господин Денлард заступился за пойманных в самом центре Азария¹ учеников, и если бы не директор нашей школы в то время, то наверняка бы их всех вместе отправили в лучший случае за решетку, а то и вовсе на костер. Считалось, что, если в день, не являющийся официально разрешенным для выхода юных магов в город, кто-то из них все-таки уходил без сопровождения взрослых и соответствующего разрешения, значит, наверняка это сбежавший отступник, не поддающийся контролю, абсолютно точно затевающий что-то страшное и подлежащий немедленному отлову и истреблению. Род Денлардов тогда был объявлен вне закона, но школа взяла их под свою защиту.

История о дне колдовского равновесия, впервые услышанная из уст библиотекарши, неописуемо меня умилила: будущий супруг не придумал ничего интереснее, чем пригласить на романтическое свидание простую девушку Роде-ну... на магический праздник. И вопреки его страхам она не сбежала в ужасе сдавать его Ордену², а так прониклась и расчувствовалась, что вскоре приняла предложение руки и сердца и взяла фамилию мужа, тем самым лишив себя спокойной, свободной жизни.

¹ А з а р и й — столица Арланта.

² О р д е н Б е л ы х Х р а н и т е л е й был образован несколько веков назад с целью защиты населения от происков черной магии.

А «старым хрычом» она его называла конечно же в шутку. Теплая улыбка в этот момент куда красноречивее громких ласковых слов.

— Нам, пожалуйста, «Энциклопедию амулетов и талисманов» под редакцией Теруса, — зачитала с листка Сиара и для достоверности сунула эту же записку в руки госпоже Родене.

— Теруса... — Старушка тут же удалилась вглубь книжных рядов, продолжая бормотать под нос, дабы не забыть. — Терус... Где-то я его видела буквально вчера...

Спустя десять минут мы уже с чистой совестью удалялись с тоненькой брошюрой, невесть за какие заслуги именовавшейся «Энциклопедией», ибо помещалась в нее лишь сотая, если не тысячная часть существующих в мире талисманов и амулетов.

— Ири расстроится, — протянула я. — Она толстые книжки любит...

— Лишь бы магистр Кадал не расстроилась. И нас не расстроила заодно низкими оценками за поверхностные знания по предмету, — усмехнулась Сиара.

В комнату мы забежали на пару минут. Поздоровались с нашим комнатным призраком, оставили ей брошюрку для изучения, бросили тетрадки с учебниками на кровати и направились в сторону обеденного зала, поскольку голод медленно, но верно начинал замутнять рассудок, все мысли превращая в мечты о вкусном горячем обеде.

— О солнце дней моих, ушей очарованье... — бодро, нарастающе затянул Лин, едва заметив нас на ступенях.

— Опять он, — прохныкала Сиара, нырнув за мое плечо, будто это могло ее спасти от пылкой страсти одноклассника.

Но Линас уже прекрасно разглядел нас обеих и еще более воодушевленно продолжил вещать странные, наверняка самописные строки, подбадриваемый эхом и смешками пробегающих мимо учеников.

— Хвостом виляние твое сведет меня с ума...

— Только не это. — Сиара и вовсе прикрыла глаза ладонью, желая провалиться на месте. — Испепели его, пожалуйста. Подруга ты мне или где?

— Он, может, от всей души, а ты... — рассмеялась я. — Хороший же парень!

— Вот сама с ним и встречайся!

— Я ему не нравлюсь, у меня нет никаких шансов перед твоими хвостом и ушками, — поддела Сиару я и вильнула в сторону, тем самым лишив ее живого щита в моем лице.

— Почему ты такая заноза, когда не надо, — жалобно протянула подружка, оббегая меня с другого бока подальше от юноши. Но Лину, казалось, был важен не столько сам объект страсти, сколько публика. Она любила его дуракаваляния, а оттого была крайне благосклонна.

— И каждое твое здесь появление я жду, как солнца луч сквозь мрачных туч...

— Айла, неужели он не понимает, что так никто не говорит? — прохныкала Сиара. — Это же неправильно построенная фраза! Там должно быть хотя бы «сквозь мрачные тучи»!

— Тогда не в рифму, — понимающе пояснила я подружке, и мы скрылись за порогом столовой под отчаянное:

— Даруй свой взор мне, я его повешу в рамку, и не разлучит нас с тобой отныне впредь!..

Едва за нашими спинами хлопнула дверь, я разразилась смехом так, что даже живот свело. Подруга наградила меня сначала самым ненавидящим взглядом, попыталась одолеть ползущую на лицо улыбку, но спустя пару мгновений хохотали мы уже обе.

— Давай его менестрелям сдадим? — утирая слезы, спросила я, когда мы уже приблизились с подносами к раздаче.

— А давай на опыты? Мне интересно, что в его голове заставляло творить такое!

Протянув руку с щипцами за ароматной булочкой, я ненароком легко задела локтем стоящую перед нами Тьерру

Магнет и в последние мгновения затишья поняла, что сейчас будет взрыв.

— Ты вообще не смотришь, куда ручищи свои тянешь?! — заверещала Тьерра. — Проклятая деревенщина, манерам сначала научись, а потом к людям суйся!

Я открыла было рот, раздумывая, извиниться за то, что толкнула, или посоветовать пойти к демонам с точным описанием маршрута, но Сиара сориентировалась куда быстрее. Со словами:

— Ты лучше ешь, чем говори. Кстати, держи, для фигуры полезно! — Подруга бесстрастно плюхнула желанную мной булочку в тарелку Тьерры.

Вместо тихого всплеска получился громкий звон, суп опрокинулся на белоснежное платье девушки, томатно-свекольные узоры поползли по дорогой ткани, осколки заплясали по полу в бешеном танце, оглашая обеденный зал своей мелодией. Тьерра заверещала еще пронзительнее, сквозь резь в ушах от ее голоса прорывались лишь нечленораздельные звуки что-то про папу, как обычно, и что-то не совсем приличное заодно. Финальными аккордами увертюры прослужил цокот каблучков в сторону выхода и угрожающее:

— Это вам с рук не сойдет... Неудачницы! — раздалось напоследок перед звуком захлопнувшейся двери.

— Ой, — смущенно изрекла Сиара, едва все стихло.

— Странно, — глядя на пол, усыпанный осколками, и почесывая макушку, протянула я. — На нее суп опрокинулся, а мы неудачницы?

С Тьеррой мы не дружили давно, крепко и безвозвратно. Хотя именно благодаря этой «недружбе» восемь лет назад я и оказалась в стенах Школы магии.

Если бы тетушка Мелинда, сестра моей мамы, не пожелала меня отдать инквизиции, если бы Картер, мой брат, не подслушал ее разговор, мы бы не сбежали в тот злополучный день из дома. И мы бы не оказались в тихом дворе дома на Сиреновой улице, не заметили бы там странную девочку,

отчаянно вырывающую игрушку у плачущего малыша, я бы не одарила ее, такую нехорошую, легким уколом молнии чуть ниже поясицы... В свою очередь она бы не пожаловалась папе, что какая-то девчонка на нее намагичить посмела, и если бы все это не совпало, то, наверное, меня бы давно уже не было. А вот папа ее по самому счастливому стечению обстоятельств оказался Атиасом Магнетом, директором Арлантарской школы магии, который в ту же секунду сгреб нас с Картером в охапку, брата вернул тетушке, а меня забрал с собой. Выделил место в общежитии и отправил в первый класс к моим ровесникам.

Тьерра тоже в тот год пошла в первый класс, только в другую группу, а потому пересекались мы лишь изредка на совместных уроках, в коридорах да в обеденном зале. Складывалось у меня странное ощущение, будто место, куда попала моя молния, у бедняжки до сих пор зудело, и сильно, иначе чем еще можно было объяснить ее такую ярую ко мне и всему, со мной связанному, нелюбовь?

— Тарелочку жалко, — виновато пробормотала Сиара, собирая осколки.

Кухарка укоризненно поохала, покачала головой и отправилась за веником.

— Нехорошо получилось, — вздохнула я, присев рядом с подругой.

— Но она ведь совсем за языком не следит! — Желтые глаза Сиары вспыхнули гневными искорками.

— А мы за действиями, — грустно усмехнулась я, поблагодарив кухарку за принесенную щетку и совок. — Помнишь прошлый раз?

— Нет, ну вот тогда совсем без злого умысла было, — разулыбалась подружка. — Если бы она, как порядочная девочка, слушала папу и не разгуливала в своих шикарных нарядах по школе, то и на шлейф ей никто не наступил бы.

— Никогда бы не хотела оказаться на ее месте, — сочувствующе произнесла я, вспомнив, как первая красавица шко-

лы удирала прочь из центрального зала, стыдливо подхватывая на бегу отделившуюся от платья юбку. Хотя мальчишкам понравилось. Им вообще часто странные вещи нравятся.

— А мне даже интересно было бы взглянуть, как бы ты себя повела, — ехидно отозвалась Сиара.

— Я могу и вовсе без одежды по школе бродить, — хихикнула в ответ я, — и на меня никто даже не посмотрит.

— Ты себя недооцениваешь, — сморщила хорошенький носик Сиара. Показав ей в ответ язык, я осталась отомщена и совершенно собой довольна.

«Останки» были сметены в совок и скорбно препровождены в мусорное ведро. Кухарка осуждающе вздыхала, глядя на нас, преисполненных грусти, вглядывающихся в неизведанную черноту мусорной корзины, в которой только что сгинула некогда целая тарелка, готовая служить на благо народа, неся добро, тепло и суп... Удерживать серьезные мордахи удавалось нам недолго, и, стараясь не смеяться в голос, мы вернулись к своим подносам и по-прежнему желанному обеду.

— А Ири пойдет на праздник, она не говорила тебе? — взмахнула подруга ярким брусочком свежей моркови прямо у меня перед носом.

— Не говорила. Вчера она была не в духе, я даже не стала спрашивать.

— Когда там у нее день смерти?

— В октябре, кажется.

— Нескоро, — задумчиво протянула Сиара. — А день рождения?

— А день рождения она сама не помнит, — вздохнула я.

— Я вообще слышала теорию, что призраки со временем забывают самые важные подробности своей жизни. Такие, как дата рождения, свое имя, имена родителей... И когда они забывают совсем-совсем все, возможно, становятся просто пустым облаком, которое, вероятно, никто и никогда даже не

увидит. — Отчего-то в голосе подруги зазвенели нотки мечтательности, и, встретив мой вопросительный взгляд, она удивилась:

— Что? Красиво же звучит!

— Красиво, — согласилась я. — Но грустно. Я не хочу, чтобы Ири совсем себя забывала. И нам втроем в комнате хорошо живется! Из-за нее никто не лезет. Карамельки не таскает...

— Если тебя это утешит, то процесс потери воспоминаний у них протекает сотни лет. А еще, не исключая, это просто миф.

И Сиара впилась зубами в куриную ножку с нескрываемым удовольствием. Я не могла не последовать ее примеру.

За что я любила школьный обеденный зал, так это за уют. Деревянные столики на четверых, нежных оттенков скатерти, на стенах — небольшие картины с самыми что ни на есть вкусными изображениями. Больше всех мне нравилась дальняя с пузатой чашкой горячего шоколада, на блюдечке рядом с которой лежала настолько аппетитная булочка с корицей с осторожно отрезанным кусочком, наколотым на десертную вилку, что иногда казалось, будто ощущаешь во рту ее вкус, просто глядя на рисунок. Окошко на заднем плане выходило прямо на центральную площадь с потрясающим фонтаном и цветные точки жителей, толпящихся возле него... Пастельно-акварельные тона, размытые границы конечно же лишали работу правдоподобности, но они в ней и не нуждались. Картины эти были прекрасны именно тем, что они картины. И при взгляде на них мне так хотелось научиться рисовать...

Наш призрак парил над подоконником, когда мы вернулись после обеда в комнату, и печально вглядывался в горизонт.

— Что там сегодня показывают? — хихикнула Сиара и плюхнулась на свою кровать с размаху. Не будь подруга

такой миниатюрной, кровать могла бы и не пережить столь резкого приземления.

— Деревья, горы, кусок моря. А еще корабль проплывал. — Ири даже не повернулась в нашу сторону. — Сегодня всего один.

Она совершенно не помнила, как стала призраком, поэтому самым обидным для нее осталось то, что она не могла покинуть школу. Зато вопреки угрозам Сиары отлично помнила свое имя — Деянира О'Нил — и часто вздыхала, как ее печалит, что никто и никогда больше так к ней не обратится, поскольку ей очень нравилось его звучание.

— А на праздник сегодня с нами пойдешь? — вкрадчиво поинтересовалась я.

— Слушать в очередной раз слюнявую легенду о ночном волке и рассветном единороге? Нет уж, увольте...

— Но зато будет музыка. — Сиара перекатилась по кровати и стекла на пол. — И танцы!

Сиара грациозно провальсировала на цыпочках к шкафу, откуда вывалила на постель целую кипу платьев, и принялась пританцовывать у зеркала, поочередно прикладывая их к себе. Сиреневое сливалось с оттенком ее волос, оранжевое заставляло желтые глаза сиять точно солнце, мое любимое, лазурное, превращало ее в самое трепетное создание на свете, но зато синее заставляло сиять изнутри, точно сшито было не из простой ткани, а из самой воплощенной магии красоты.

— Да, — заключила она. — Как и думала, пойду в синем! После чего торжественно протянула мне мою мечту.

— Отказ не принимается. Ири, ну помоги мне!

Деянира проплыла под потолком, хмуро изучая сначала меня, потом платье, затем нас вместе, после чего заключила:

— Глупо отказываться, дорогая!

— Но...

— Не понимаю, зачем вообще ходить на такие мероприятия, если не пытаться на них быть самой-самой? Ну, пойдешь ты в школьной форме или того хуже — в свитере и штанах для выхода в город! Самой-то какво? Ощущение праздника горгулье под хвост!

Я вздохнула. Настолько грустно и громко, насколько это было возможно в моем случае, но на подруг это никак не действовало.

А потому вечером, едва последний луч солнца растворился на небосводе и все начали выбираться из комнат, устремляясь в главный зал, я чувствовала себя в этой сверкающей толпе как кукла среди людей. Неудачная кукла, волосы которой наспех закрутили, точно шерсть выставочного пуделя, и нацепили единственное платье, которое нашлось. Нет, я более чем уверена, что со стороны это смотрелось красиво, но настолько я себя чувствовала некомфортно, что даже глаза лишний раз прятала, сталкиваясь взглядом с одноклассниками. Все ждала глупых шуток Лина, язвительных фразочек Тьерры, смеха ребят, любого другого подвоха... Все это так неправильно, это была я, запечатанная в чужом теле и совершенно не умеющая им пользоваться.

— Айла, — прошипела Сиара, уверенно вышагивающая рядом со мной, — если ты немедленно не расслабишься, то наверняка лопнешь!

— От чего? — удивилась я.

— От напряжения, от чего! Просто представь, что здесь никого нет, кроме меня... ну и Ири для массовки, и все! Нос выше, грудь вперед и пошла, пошла, пошла...

А вот о груди Сиара напомнила и вовсе напрасно. Вырез был совершенно чудовищен, я была почти уверена, что на счет его мне еще сделают не одно замечание, обвинят в аморальном поведении, обязательно отметят это в моем личном деле... а посему порой я старалась подтянуть платье ну хоть чуточку выше, но оно, как назло, сидело на мне как влитое.

— О, староста! Да ты шикарна, оказывается. — Лин, пробегающий мимо, застыл рядом и отвесил нам с Сиарой глубокий поклон. — А ты, Аменсиара, звезда моя, услада моих ушей, свет моих очей...

Но речь его потерялась в шуме толпы, а после потерялся и сам Лин, которого под локти подцепили товарищи да так и унесли куда-то ближе к сцене.

Украшен парадный зал был просто волшебным. Справа вдоль стены шла пастельных оттенков драпировка, символизирующая рассвет, с другой стороны красовался объемный узор в виде бегущего волка, вместо хвоста и задних лап которого волнами расходилась ткань, изображающая ночь со сверкающими вкраплениями звезд. Взамен факелов зал сегодня освещали сотни маленьких свечек, которые традиционно по окончании торжества выносились на улицу и опускались в реку, чтобы, если верить легенде, своим теплом и светом прогнать ночного волка как можно дальше от нас.

— Короче! — весьма торжественно начал вступительную речь Лин, выскочив на сцену, и, откашлявшись, поправил цветастую бабочку. — Директор мне сказал в сотый раз зачитать вам легенду о божествах, но я решил, что праздник, начатый с занудства, — не праздник, поэтому давайте есть! А когда вы все будете сытыми настолько, что не сможете убежать, вот тогда я и расскажу всю историю мироздания с самого начала и в подробностях!

Местного балагура зал поддержал смехом и аплодисментами. Улыбнулась даже Сиара, которая, обычно из вредности, игнорировала парня и самые его искрометные фразочки. Лин, конечно, был тем еще дуралеем, но сам директор Магнет признавал, что у парня огромный потенциал, и понимающе направлял его неумную болтливость в нужное русло. Например, год за годом назначая на должность ведущего праздников. Поскольку болтать он все равно будет много, так пусть хоть делает это с пользой!

Угощение разлеталось в секунды. Приглашенные разносчики едва успевали сновать между ребятами до кухни и обратно, разнося всевозможные закуски. Я еле успела ухватить рулетик с красной рыбой и пару кусочков сыра, Сиара — маленький шашлычок из овощей и мяса, и мы поспешили отойти в самый дальний угол под изображение волка, пока кто-то в суматохе не подчистил и наши тарелки.

— Как можно быть таким придурком, — вздохнула Сиара и закинула в рот маленький, размером с вишню, помидор.

— О ком ты? — «непонимающе» поинтересовалась я.

— А то ты не знаешь! — закатила глаза Сиара. — Неужели его и правда кто-то может находить забавным?

— Я нахожу его забавным, — призналась я.

— Я тебя больше не знаю, — мрачно сообщила она. — Нет, серьезно! Смеются над его шутками, словно им за это платят. Но он же... просто шут!

— Но шуты ведь для того и нужны, чтобы народ веселить, — с улыбкой отозвалась я.

— Мне в таком случае больше нравятся истории, где их казнили за глупые шутки, — закатила глаза Сиара. — Ох, нет, мне никогда этого не понять...

Покусывая сыр, я с умилением покачала головой. Когда подруга возмущалась, ее острые ушки крайне забавно подрагивали.

Возле сцены уже поднималась суета, насытившиеся ученики требовали зрелищ, и Линас вновь занял свое законное место перед толпой. Зазвучала музыка, замелькали тени, блистательная Сиара тут же сориентировалась и стащила еще несколько бутербродов с общего стола.

Я изо всех сил старалась не лезть людям под ноги и вообще не попадаться на глаза. Воспользовавшись тем, что подружку пригласили на танец, так и не дав истребить до конца все бутерброды, я плавно, вдоль стенки, слиняла прочь из зала. На празднике ведь я побывала? Побывала. Платье кра-

сивое надевала? Надевала. Какие ко мне еще могут быть претензии? Никаких!

Но в комнату возвращаться я не спешила, ибо недовольного и сопереживающего призрака еще никто не отменял, а потому выскользнула через западный вход на улицу, стянула жесткие туфли, подхватила их за ремешки и на носочках прошла по траве. Она приятно холодила ступни, что немного горели после каблуков с непривычки, и я, выйдя на вымощенную камнем тропинку, сбегала вниз со склона к реке. До традиционного спуска свечей на воду было еще много времени, а потому можно было не переживать, что мое блаженное одиночество кто-то посмеет нарушить.

Где-то гулко ухала сова. Я отбросила туфли в сторону, услышав шорох какой-то удирающей ящерицы, едва не пострадавшей от спонтанного полета обуви, затем пробежалась вдоль кромки воды.

Легкая ткань платья разлеталась от малейших дуновений, но сейчас можно было не бояться посторонних взглядов и насмешек. Я прошла по дуге выступающего берега, дошла до моста, взошла по его ступенькам и, встав по центру, уперлась ладонями в перила, вглядываясь в воду. Эйфа у подножия школы разливалась во всю свою ширину, которая не сказать, что была ужасно пугающая, но вполне достаточная, чтобы не суметь доплыть от одного берега до другого, если плаваешь ты хуже среднего.

И так завораживали воды, бегущие навстречу через черную кайму колоссящихся у берега трав, манили звезды, отражающиеся в глубине, что казалось, будто упади сейчас за ограждение, я не промокну, а улечу куда-то в неизвестность...

Когда-то нам рассказывали о том, что мысли материализуются, но никто не предупреждал, что настолько точно и быстро. Где-то хрустнуло, хлипкие перила подались вперед под моим весом, а я, не успевшая отпрыгнуть, качнулась вслед

за ними и вниз головой ушла, увы, вполне в известность. Мокрую, холодную известность.

И «невесомая» лазурная ткань плотно облепила ноги, превратив их в подобие русалочьего хвоста, при помощи которого я, в отличие от подводных жителей, плавать совершенно не умела. Нелепо извиваясь в воде, я уходила все глубже и глубже, теряя остатки воздуха от страха и лишних телодвижений. Расслабиться, как учили, не получалось. Напротив, паника охватывала все сильнее, ноги не слушались, и я непроизвольно глотала воду вместо желанного воздуха, пытаюсь дышать и чувствуя, как уже горят горло и легкие. Поэтому, когда меня неожиданно окатило ледяным ветром, я, решив, что, видимо, все, умираю, предприняла прощальную попытку вырваться на поверхность и глухо ойкнула, больно стукнувшись обо что-то коленкой.

— А вот нос мне ломать вовсе не обязательно, — сообщил внезапно глубокий мужской голос мне прямо в ухо. — Достаточно простого «спасибо», знаешь ли.

Я плюхнулась на песок, припадочно кашляя и в перерывах между приступами жадно хватая воздух. В голове стоял отчаянный звон, усиливающийся по мере моих содроганий, и очень хотелось просто распластаться без сил на земле, но мешала чья-то рука, держащая меня под грудью.

— Хочется думать, что это несчастный случай. — Мужчина продолжал меня заговаривать. — Хотя кто вас, таких трепетных, знает. Чуть трагедия — сразу рыбам на корм...

— Русалкам, — выдохнула я с трудом и наконец-то перевела дыхание, тряпочкой обвиснув на руке спасителя.

— Что, прости?

— Тут рыбы не водятся, их русалки выселили. Поэтому, если на корм, то русалкам, — пояснила я.

— И чем русалок не устраивают рыбы?

— Запахом. Противный, говорят. Хотя я их понимаю.

Убедившись, что вновь бросаться в пучину водную я не побегу, мужчина убрал руку и сел рядом. Я тоже смогла вернуться и шлепнуться пятой точкой на песок.

— А разве русалки — не полурыбы?

— Они утверждают, что нет.

Я подтянула к себе коленки и обхватила их руками, греясь.

— И кто-то им верит?

— Они думают, что верят. А вы кто?

— Рейвелл. — Мужчина повернулся ко мне, и я вздрогнула при виде светящихся серебром глаз. Заметив это, он ухмыльнулся и пояснил: — Спокойно, так только в темноте бывает. И то не всегда. Как себя чувствуешь-то?

— Нормально. Испугалась, правда, — призналась я.

— Странная ты, пугливая самоубийца.

— Там просто ограждение сломалось, но оно само, честное слово! А что вы тут делаете?

— Да так, мимо проходил, дай, думаю, загляну. Это ведь и есть та самая Школа магии?

— Не знаю, та самая ли, но точно Школа магии, — кивнула я.

— Значит, ты-то меня и проводишь к вашему директору.

— Вы ведь ему не расскажете, что я тут... то есть, что вы спасли... то есть...

— Расскажу, конечно, — хохотнул мужчина. — И тебе еще припомню. И не раз!

— Но...

— Идем.

Мужчина легко поставил меня на ноги и... набросил на плечи свою куртку так неожиданно, что я даже вздрогнула. Куртка пахла дорожной пылью, травой и кожей и настолько была мягкой и уютной, что, наверное, в ней можно было даже спать во время долгих странствий прямо среди леса, и она, как самый надежный друг, убережет от всех ненастий.

Про потерянные туфли я вспомнила, лишь когда ноги коснулись холодного мрамора в западном зале. Холодные струйки воды продолжали стекать с платья по ногам, а я уверенно шлепала к лестнице, оставляя за собой мокрые следы и делая вид, что так и нужно. Признаваться моему спасителю в том, что я не только свернула перила моста, так еще и обувь потеряла где-то в порыве единения с природой, мне стало стыдно. Мало ли, откуда ему знать, может быть, я маг природы и мне крайне важен постоянный прямой контакт с землей?

Хотя даже лесные эльфы носили сандалии, правда больше похожие на связку листвы с открытыми пальцами и стопами. А уж маги, чья стихия была природной, и вовсе не старались это подчеркивать, и им нисколько не нужно было стоять среди газона, чтобы что-то наколдовать.

А я любила грозу. Меня завораживало мрачное небо с огромными черными клубами туч, предвещающая свежесть в воздухе перед первой вспышкой, и это пугающее ожидание громового раската, пока в небе растворяется светлый разветвленный шрам. Всегда было интересно, от чего зависит предназначенная человеку магия? Воля судьбы это, осуществленное желание или отражение души?

Стихия Тьерры была водной, но ведь вода — это чистота и умиротворение, что никак не перекликалось с ее натурой. Мне думалось, что ей бы гармонично подошла земля, но если подумать, я ведь знала лишь ее внешнюю оболочку. Красивую, но грубую. А ведь у нее тоже были друзья, которые за что-то ее любили, значит, где-то внутри была спрятана такая Тьерра, которую она никогда не захочет показывать «не своим» людям.

Воздух считался моей стихией, хотя по странной иронии из всего разнообразия этой магии лучше всего у меня получались грозы. Возможно, именно потому, что они были так трепетно мной любимы.

— И долго еще идти? — Размышления мои прервал голос Рейвелла, я охнула и виновато взглянула на него.

— Простите, я задумалась, такое со мной часто бывает... к сожалению.

Сейчас при легком свете я смогла его рассмотреть. Волевое лицо мужчины украшала легкая щетина, ярко выделенные черными ресницами каре-зеленые глаза с прищуром, густые темные брови вразлет придавали выражению особую суровость. Но было в его внешности что-то настораживающее, неправильное...

— Почему «к сожалению»? — Тонких губ коснулась легкая усмешка.

— Все учителя говорят, что это плохо очень. У меня внимание быстро рассеивается, и я перескакиваю с темы на тему. Чаще мысленно, а потому забываю, о чем рассказывала перед этим. А когда стоишь у доски, отвечая домашнее задание, это может стоить плохой оценки, — вздохнула я.

— А в классе-то ты каком?

— В восьмом, — призналась я.

Рейвелл неопределенно хмыкнул.

— А я-то грешным делом подумал, в шестом.

Не худшая шутка по поводу того, что я выглядела несколько младше сверстников. Хотя я и так считалась одной из самых мелких на потоке, потому что попала в школу почти на год раньше, чем полагалось, да и высоким ростом похвастать не могла — Рейвеллу я еле до плеча доставала.

— Мне восемнадцать зимой будет, — проговорила я. И снова зачем-то вздохнула. А потом все же сообразила, что так озадачило меня в моем спасителе. Его светлые волосы длиной до плеч, наспех захваченные в хвост, на самом деле были не пепельно-русыми, как показалось изначально, а абсолютно седыми. — А вы белый совсем почему-то...

Рейвелл захохотал. Просто вдруг остановился и захохотал, одной рукой устало потирая лоб, а другой опершись на лестничные перила.

— Потрясающее в своей простоте заявление, — произнес он, успокоившись. — Не переживай, мне еще слишком далеко до сотни, а с этим... просто не повезло.

— Зелье, наверное? — Любопытство спрятать не удавалось.

— Зелье, зелье, — кивнул он.

А я осторожно, не сводя с него взгляда, постучала в дверь кабинета директора Магнета.

— Войдите! — глухо прозвучало из-за двери. Чуть скрипнули петли, когда я осторожно толкнула ее вперед и вошла в кабинет. — Тьерра, если это опять ты, то разговор окончен, и никакие твои жалобы... О, дейрис Литте! Только не говорите, что дейрис Магнет вновь применяла против вас магию и...

Я охнула, вспомнив про мокрое насквозь платье.

— Нет-нет, Тьерра тут совсем ни при чем, это я сама случайно! И меня попросили...

Пронзительно синий взгляд Атиаса Магнета всегда излучал спокойствие вперемешку с заинтересованностью. Еще ни один ученик, пришедший в этот кабинет со своими проблемами, не остался без должного участия со стороны директора. За исключением — по иронии — Тьерры. Вопреки всему отец ее страдал острой формой объективности, а потому понимал, что характер у дочери своеобразный, и если она на кого-то жалуется, значит, скорее всего, полезла к нему первая.

— Магистр Шакс, я так понимаю? — Директор вскочил из-за своего рабочего стола и устремился навстречу нам с Рейвеллом. — Но мы ожидали вас только утром...

— Мой конь был слишком тороплив, — усмехнулся мой спаситель. — Видимо, у него свои дела в Азарии. Рад нашему знакомству, директор Магнет. Я слышан о вас.

— Не могу сказать того же, — вернул усмешку Магнет. — Но доверяю рекомендовавшему вас господину Гранду, а потому — добро пожаловать! Дейрис Литте, магистр Шакс займется вашим боевым воспитанием, пока магистр меча и магии Торрин... временно выбыл из строя.

— Магистр Шакс... — протянула я, пробуя звучание на слух. — Это очень хорошо, значит, теперь не нужно будет договариваться с магистром Кадал, чтобы проводила у нас сдвоенный урок!

— Я знал, что вы оцените. Благодарю, что проводили нашего нового учителя. Не окажете мне еще одну услугу? — Хоть тон директора и был вопросительным, по сути своей это все равно было утверждение.

— Конечно, что угодно, — привычно кивнула я.

— Покажите магистру Шаксу его комнату — пятнадцатую, на учительском этаже.

Откланявшись, я вынырнула в коридор и оставила мужчин по их просьбе «на пару минут» наедине. Выжала юбку в горшок с фикусом, что мирно сох в углу, взъерошила прилипшую ко лбу челку. И только собралась вздохнуть по погибшим кудряшкам, как дверь открылась, и Рей... то есть магистр Шакс вышел из кабинета.

— Что ж, веди, Айла Варрей Литте. Магнет сказал, что ты староста.

— И вы теперь тоже будете постоянно меня гонять то тряпку мочить, то в учительскую за мелом?

— Ну что ты. Всего лишь оставлять после занятий, чтобы точила мечи. В моем искусстве нет места пустой писанине и схемам, мы все будем изучать на практике. Хотя... я даю некоторые послабления девушкам. Даже если они старосты.

— Какого же рода послабления?

— Разрешаю махать деревянным мечом. Железный-то еще не каждая поднимет.

— А в чем смысл занятий, если не учить чему-то, что пригодится в жизни?

— Не знаю, как принято в вашей школе, но я давно привык, что любые школьные знания сводятся к одной цели: сдать экзамен. А о применении их в жизни никто даже не задумывается. Мое безграничное уважение вашему директору, если у вас здесь не так.

— Все учителя стараются. Правда, у некоторых довольно странные методы, но зато действенные, — улыбнулась я, припомнив Одина, Линаса и русалок.

— Надеюсь, ты не имеешь в виду вышеупомянутые тряпки и мел? — усмехнулся магистр Шакс. — А то я готов признать, что до такого уровня мастерства мне еще расти и расти.

— У вас еще все впереди, — заверила нового учителя я. — И мы пришли. Комната пятнадцать, этаж учительский.

— А где этаж ученический? — Порой я не успевала понимать, в шутку произносит что-либо мой спаситель или всерьез.

— Через переход, соседнее здание — оно целиком ученическое. А зачем вам?

— Да мало ли. Вдруг тебя снова спасти придется. — И он подмигнул мне так нахально, что я невольно отшатнулась в сторону. Но Рейвелл, словно ничего не заметив, учтиво кивнул и произнес:

— Спасибо, что проводила, Айла Литте. И будь осторожна.

Щеки окатило жаром, и я опрометью кинулась по лестнице так быстро, что даже не заметила, как оказалась в надземном переходе между корпусами. Смущенная от самых пяток до кончиков ушей, я замерла перед стеклом, прижалась лбом к нему и, переводя дыхание, взгляделась вдаль. Туда, где под бодрые песнопения празднующих огненной змеей текла река, унося с собой плавающие свечи и прогоняя зловещего ночного волка, чтобы рассветный единорог смог занять свое законное место на небосводе.

ГЛАВА 2

— Я, конечно, мертвая, но не слепая! — Ири так «радостно» встретила меня на пороге, словно речь свою она начала задолго до моего прихода, а я ворвалась прямо к развязке.

— Это вышло случайно! — на всякий случай тут же откритилась я. Что бы ни имела в виду Ири, в любом случае это

не могло получиться нарочно. В моей жизни вообще мало что происходило по какому-то замыслу, на все была воля случая.

— Ты поняла, о чем я? — хмуро откашлялся призрак.

— Нет, — созналась я, понутив голову.

— Как обычно, — вздохнула Ири. — Я про твой, с позволения сказать, внешний вид. Сиара тебя убьет.

— А мы сейчас быстренько высушим, и она не узнает. — Я осторожно стянула платье и повесила на спинку стула.

— Узнает, узнает, — пообещала подружка, скрестив руки на груди. — А туфли где посеяла? Я уж стесняюсь спросить, как ты их посеяла!

Откровенно смутившись, я пробубнила что-то невнятное про сломанный каблук, потом про то, что просто забыла, и уж совсем отличилась, сообщив в итоге, что их украл неизвестный злоумышленник. Я говорила, что не умею быстро врать? Это тот самый случай.

— Какой странный злоумышленник, — Ири просверлила меня взглядом, — зачем это ему туфли со сломанным каблуком, о которых ты еще и забыла? Да и демон с ними, с туфлями. Что это был за мужчина с тобой?

Лучше бы Сиара уже убила меня за свое платье! Мне бы тогда не пришлось краснеть, точно юной школьнице, пойманной за каким-то непристойным занятием. Хотя, если вспомнить, что я и есть юная школьница...

— Это просто новый учитель, он попросил проводить его к директору. Вот и все!

— И все? А куртка?

Мысленно я взвыла. Куртка! Ну конечно! Наброшенная на плечи магистром Шаксом, она так и осталась согревать продрогшую меня.

— Я с моста в реку свалилась, — созналась я. — А он меня вытащил и куртку дал. Неловко получилось, надо бы вернуть.

— Вернешь завтра, — с предвкушением проговорила Ири. — Лишний повод будет...

— Для чего? — удивленно моргнула я.

— Ох, и чему тебя только учили. — Сокрушающийся призрак проплыл под потолком от стены к стене.

— В основном магии, — вздохнула я.

Ири закатила глаза так, словно хотела увидеть свою голову изнутри.

— Демона с два я бы тебя пустила сюда жить, предупреди ты меня сразу о своей легкой... недогадливости.

Призрак еще долго причитал, плавая по комнате, иногда проходя сквозь меня, теряясь в шкафу или, забывшись, утеская в коридор. А я с нелепой улыбкой сидела в одной сорочке на кровати, подобрав ноги, и осторожно водила ладонками над платьем Сиары. Легкие потоки воздуха подсушивали ткань, в голове крутилась снова и снова сцена спасения, и никак не давали покоя чуть светящиеся серебром глаза.

— Вот помяни мое слово...

— Какое из них? — вежливо поинтересовалась я. Уж больно много их было сейчас сказано.

— Нет, я для вас вообще пустое место? — Ири нависла надо мной так сурово, что на всякий случай я даже убрала руки от платья, дабы от переизбытка чувств не спалить его ударом молнии вместе с собой и кроватью. — Повторяю! Если ты не научишься простым, житейским, девчачьим хитростям, так и останешься...

— Не останусь, — заверила я Ири. — Однажды ты не выдержишь, запугаешь какого-нибудь беднягу до полусмерти, пообещав, что оставишь в покое, только если он возьмет в законные супруги твою милую, но очень стеснительную подружку, и он согласится на любые условия, лишь бы только ты перестала стонать ночами над его кроватью.

— Стонать ночами — это прерогатива магистра Белл, — фыркнула Ири. — А я деморализую противников куда менее гуманными способами.

— Нас с Сиарой так и не демоза... тьфу, деморализовала, — хихикнула я.

— Так вы и не противники. — Она флегматично пожалала плечами.

Тут мне вспомнилось, как отчаянно Ири пыталась меня выселить в первые дни моего заселения. Предупреждали ведь, ой предупреждали, что из комнаты этой все новенькие сбегают через пару дней, но выбора, с кем и где жить, было не так много, а потому, торжественно пообещав хотя бы не топтать ножками, умоляя подобрать другое место, я вселилась в комнату с приятным дополнением в виде призрака. Призрак не показывался, но неприятно сопел ночью над кроватью. А если принять во внимание, что дышать ему было вовсе без надобности, то сопение требовало с его стороны определенных затрат. Но он был настойчив, и вскоре к сопению прибавилось скрежетание. К скрежетанию — внезапные появления в виде эфемерной сущности, прилетающей в лицо, стоило только открыть дверь. Парящие предметы, бьющиеся кружки, пропадающие учебники, хлопающие двери — все это привидение проделывало с особым старанием, постепенно зарабатывая звание заслуженного полтергейста школы.

Однажды гостиная комната на нашем этаже, где я приспособилась делать уроки, оказалась занята, и мне пришлось учить заклинания наизусть, оставшись в своей. Настойчивое, но совершенно невнятное бормотание комнатного призрака отвлекало, и я прочитывала заклинание вслух, зажав руками уши, чтобы не сбиться.

— Неправильно, — вдруг отчетливо раздалось рядом. — Если ты здесь не сделаешь акцент на «тетра», то дальше лучше сразу не читать.

— А что будет? — искренне озадачилась я, обернувшись.

— Смотри! — Призрак приобрел вполне отчетливые очертания молодой девушки, которая, сложив ноги крест-накрест, зависла рядом со мной в воздухе и принялась что-то вырисовывать перед собой легкими движениями.